

©2000 г.

Ю.Н. ТОЛСТОВА, Е.В. МАСЛЕННИКОВ

КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СТРАТЕГИИ

**Эмпирическое исследование
как измерение в широком смысле**

ТОЛСТОВА Юлиана Николаевна - доктор социологических наук, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики. МАСЛЕННИКОВ Евгений Вячеславович - кандидат философских наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

С самого рождения эмпирической социологии (примерно с рубежа XIX-XX вв.) в среде исследователей ведутся нескончаемые споры о том, что лучше - качественный или количественный подход в исследовании социальных процессов. Хотя однозначного понимания этих терминов в литературе нет и четкая граница между подходами отсутствует, все же можно сказать, что основное различие - в видах и способах сбора информации об изу-

Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 99-06-80065).

чаемых объектах. Качественный подход опирается на неформализованные ("мягкие") способы общения с респондентом (неформализованные, полуформализованные, фокусированные интервью, метод фокус-групп и др.), изучение дневников, биографий и т.д., а количественный - на использование формализованной ("жесткой") анкеты, статистических данных ит.д.

В последние годы подобные споры активизировались и в среде российских социологов. Исследователи присваивают себе звания "качественников" и "количественников" и гордятся ими, игнорируя противоположную сторону. Это особенно заметно со стороны первых.

С нашей точки зрения, для социолога разница между качественным и количественным подходами примерно та же, что для физика - разница между, скажем, методами, применяемыми в механике и ядерной физике. Метод определяется задачей, объектом и предметом изучения, уровнем развития науки и т.д. Физик без всяких споров использует линейку и динамометр в одном случае, синхрофазотрон - в другом, не возводя это в некий методологический принцип; заметив, что какие-то механические законы не выполняются из-за наличия радиационного излучения, исходящего от одного из изучаемых объектов, спокойно меняет "орудие труда" и двинется дальше. Здесь вряд ли будет уместен вопрос, подобный следующему: "Что лично Вам как исследователю ближе: стратегия количественного подхода или качественного? Обоснуйте свою позицию", адресованный студентам в первом отечественном учебнике по качественной социологии [1]. (На Западе таких учебников довольно много - см. приведенный в конце статьи библиографический список.) Этот вопрос явно предполагает, что выбор стратегии зависит не от задачи, а от склонности исследователя.

Само наличие противостояния "качественников" и "количественников" среди социологов представляется нам некоей болезнью научного социологического сообщества. Конечно, для обоснования этого положения недостаточно высказанных выше эмоций. Ниже мы попытаемся доказать наше утверждение более научным способом: сформулируем некоторые методологические принципы проведения эмпирического социологического исследования и покажем, что последовательное их внедрение естественным образом приводит социолога к выработке стратегии, в которой будут органически сочетаться качественные и количественные методы.

Основные определения. Социологическое исследование как **измерение в широком смысле** - это *сбор новых фактов и их интерпретация в терминах выбранной или построенной в соответствии с поставленной задачей теоретической модели с помощью методов, адекватных операциональным определениям свойств конструктов, лежащих в основании этой модели.* Ниже поясним смысл этого определения и покажем на примерах, как именно использование данного подхода к пониманию деятельности социолога может способствовать эффективности его работы, в частности, адекватному выбору качественной или количественной стратегии.

Выделим исходные положения и ключевые термины понимания социологического исследования как измерения и покажем, какие понятия стоят за этими терминами при реализации качественной (количественной) исследовательской стратегии. Речь идет о терминах "факты", "конструкты", "методы", использованных нами в определении обобщенного измерения. При этом сразу подчеркнем, что данные термины являют собой единую связку, стоящие за ними представления взаимообуславливают друг друга. Приведем определение этих терминов.

Факты, на которые опирается эмпирическое социологическое исследование, имеет смысл подразделить (хотя и в значительной мере условно) на онтологические и гносеологические. **Онтологические факты** - то, на что направлено внимание познающего субъекта в исследовательской ситуации, что существует независимо от его сознания и, значит, независимо от какой-либо теоретической точки зрения (теории). Онтологические факты служат для выделения данного объекта научного исследования эмпирически. **Гносеологические факты** - те события, явления и процессы, понимание значения которых происходит только в рамках той или иной теоретической точки зрения (теории), то есть в рамках того или иного теоретического объяснения (определенной понятийной объяснительной схемы). Гносеологические факты служат для выделения предметной области теории.

Конструкты - идеализированные объекты с установленными свойствами (как будет показано ниже, "установленность" свойств проистекает из того, что эти свойства отражают некоторые стороны реальности), используемые в качестве познавательных "шаблонов" для построения когнитивной (познавательной) схемы, в частности - для теоретического описа-

ния свойств эмпирически данных объектов [2]. Конструкт играет центральную роль в формировании теоретической модели изучаемого явления с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций. В основе построения конструктов лежит абстракция идеализации (об этом см., например: [3]). Применение конструктов - это процедура редукции (сведения) признаков эмпирически данных объектов к свойствам конструктов.

Особенную роль в построении научного знания играют **методы**. Они являются теми "алгоритмами", которые позволяют от эмпирических объектов перейти к построению теории, отражающей явления, определяющие свойства этих объектов. Эти "алгоритмы" сложны, многоступенчаты и не могут мыслиться в отрыве от понимания фактов и конструктов (в соответствии с нашим определением социологического исследования как измерения именно с помощью методов происходит сбор и интерпретация фактов, и методы должны быть адекватны свойствам конструктов, лежащих в основании выбранной нами априори модели).

Поясним сказанное примерами, навеянными работой, о которой часто вспоминают при сравнительном анализе качественной и количественной методологий. Мы имеем в виду знаменитое исследование Томаса и Знанецкого, изложенное в 5-томном труде "Польский крестьянин в Европе и Америке (1918-1920 гг.)". В упомянутом учебнике говорится о том, что в исследовании социальной ситуации массовой миграции поляков в США, "казалось бы, ... предоставлялась возможность массового количественного опроса самих мигрантов (вопросы типа: "Что изменилось для вас с переездом в Америку?")... Вместо этого Томас и Знанецкий пошли по пути поиска истоков, предыстории процесса миграции" [1, с. 39-40].

Покажем, как с точки зрения рассмотрения всего исследования как процесса измерения можно проинтерпретировать, с одной стороны, предполагаемый количественный опрос, а, с другой, - глубокое психологическое исследование, подобное тому, что было осуществлено Томасом и Знанецким (мы будем говорить не о конкретных выводах названных ученых, а о некоторых упрощенных гипотетических результатах).

"Количественный" и "качественный" методологические подходы обычно рассматриваются как противоположности. Мы же покажем, что логика проведения исследования в этих двух случаях в определенном смысле довольно сходна. Различие состоит в выборе конструктов и, как следствие, - методов. В основе такого выбора лежит специфика предмета исследования.

Пример использования подхода при формализованном анкетном опросе. Предположим, что мы провели упомянутый "массовый количественный опрос". *Онтологическими фактами* в таком случае будут служить ответы респондентов как первичные социологические данные, зафиксированные в социологических анкетах. Например, факт состоит в том, что некий респондент в ответ на указанный выше вопрос отметил код 5 - "разошелся с женой". Когда мы посчитаем проценты (что обычно связывается с количественной стратегией), то получим новые онтологические факты, характеризующие уже не отдельного респондента, а выборку в целом. В качестве примера такого онтологического факта может выступать, скажем, то обстоятельство, что у 30% мигрантов браки распались, или что среди молодых мигрантов количество браков, распавшихся в течение первых двух лет адаптации к новой среде, вдвое выше, чем среди мигрантов старших возрастов и т.д. Назовем факты первого вида *онтологическими фактами первого уровня*, а второго вида - *онтологическими фактами второго уровня*.

Таким образом, априорные представления об изучаемой закономерности (в нашем случае имеется в виду гипотеза о большей склонности к распаду молодых семей) мы тоже "превратили" в число - в онтологический факт, состоящий в том, что доля распавшихся браков среди молодых мигрантов значительно выше, чем среди респондентов более старшего возраста. Подчеркнем, что в качестве аналогичного числа могло бы выступить значение какого-либо коэффициента связи, вычисленного для соответствующих признаков. Более того, вместо одного числа в аналогичных ситуациях обычно выступают более сложные числовые конструкции - уравнения регрессии, факторная структура, результат классификации и т.д. Другими словами, онтологический факт, характеризующий всю выборку в целом, как правило, является результатом применения некоторых методов анализа данных к совокупности тех чисел, которые служат моделями респондентов.

Конечно, подобные онтологические факты что-то говорят об изучаемом феномене. Но содержательные социологические выводы будут носить несколько иной характер. Они будут соответствовать *гносеологическим фактам*. Например, мы будем говорить, что молодежь более склонна к разводу, и попытаемся как-то объяснить это, исходя из нашего

предшествующего опыта. Мы можем априори полагать, что только многолетняя совместная жизнь супругов, определенного рода "притирка" их друг к другу делает брак устойчивым, способным выдерживать непривычные условия существования, и будем считать, что наблюдение подтвердило нашу гипотезу. Это подтверждение и будет служить гносеологическим фактом.

Таким образом, гносеологические факты получаются в результате интерпретации онтологических. Поэтому гносеологический факт мыслим только в рамках определенной теоретической модели. Однако с наличием априорной модели связано и получение онтологических фактов. Так, априорные модельные соображения обусловили то, что у каждого респондента мы интересовались именно тем, распался ли его брак; то, что мы сравнивали число распавшихся браков именно для старых и молодых; то, что мы выбрали для проверки нашей гипотезы именно тот или иной математический метод. Таким образом, мы не можем говорить о полной независимости онтологических фактов от сознания исследователя: сама анкета является плодом его теоретических размышлений. В этом проявляется относительность деления всех фактов на онтологические и гносеологические.

С "измерительной" точки зрения наши действия свелись к следующему. Каждого респондента мы отобрали в наборе чисел: одно число - ответ на вопрос об изменениях в жизни, другое - возраст. Каждый набор чисел служит своеобразной моделью респондента. Такие числовые наборы (некоторые из них могут состоять и из одного числа) суть *конструкты*. При разных постановках задачи совокупность конструктов может пониматься по-разному - как векторное пространство, многомерная (одномерная) случайная величина и т.д. Подобные конструкты изучены в математике (хотя с таким же успехом можно было бы использовать, скажем, логические конструкты, либо какие-то новые формализованные образования, приводящие к рождению новых ветвей науки, близких по своей структурированности к логике и математике). Мы для того и пользуемся отображением эмпирических объектов в такие конструкты, чтобы затем, изучив их математическими средствами и проинтерпретировав адекватным образом полученные результаты, прийти к новым содержательным выводам. Подчеркнем, что, выбирая и реализуя математический метод, мы тем самым моделируем, отображаем в свойствах рассматриваемого конструкта наши априорные представления об изучаемых закономерностях. (Обычно в качестве последних выступают некоторые отношения между эмпирическими объектами; в качестве пояснения заметим, что отобразив наши априорные представления о причинных отношениях в коэффициент корреляции, мы тем самым использовали то, что этот коэффициент является свойством конструкта - двухмерной случайной величины.) Отделить друг от друга выбор моделей для объектов и моделей для связывающих эти объекты закономерностей практически невозможно.

Наш пример касается довольно простой ситуации. Но даже здесь перед социологом стоит много проблем. Упомянем некоторые из них, заметив, что такие проблемы возникают практически всегда, но четко их вычленить помогает именно рассмотрение исследования как обобщенного измерения.

Согласно определению исследования как измерения в широком смысле конструкты лежат в основании теоретической модели, выбранной в соответствии с решаемой задачей и используемой при сборе и интерпретации фактов. В социологии выбор таких конструктов даже при известной модели непрост. Ясно, что в нашем случае согласованность выбранного конструкта с априорной теоретической моделью означает, во-первых, адекватность выбора (невывора) респондентом упомянутой выше альтернативы нашим представлениям о состоянии конкретного брачного отношения. А здесь есть о чем подумать - скажем, респондент может не сказать, что он разошелся с женой, в то время как его брак фактически распался; и хотя официально развод не был зарегистрирован, исследователь в такой ситуации может считать брак распавшимся. Во-вторых, мы должны быть уверены в том, что нашим представлениям о степени устойчивости брака среди респондентов разного возраста (т.е. априорной модели изучаемой закономерности) отвечает величина выбранного коэффициента связи. Пусть, для определенности, мы считаем нужным использовать коэффициент связи для четырехклеточной частотной таблицы между двумя дихотомическими признаками примерно такого вида: (был развод после эмиграции - не было развода) и (возраст до 30 лет - возраст старше 30 лет). Но даже таких ("четырёхклеточных") коэффициентов связи существует около десятка (для частотных таблиц произвольного размера подобных коэффициентов более сотни, и каждый дает свой результат). Какой коэффициент выбрать - проблема. И решить ее можно только путем тщательного анализа

содержательной сути изучаемой связи и сопоставления соответствующих соображений со свойствами используемых конструкторов (в других терминах о том же говорилось, например, в работе, посвященной логике математического анализа социологических данных [4]).

Еще раз вернувшись к определению обобщенного измерения, обсудим вопрос о том, чем являются в рассматриваемом примере *методы*, с помощью которых осуществляется сбор и интерпретация новых фактов в терминах используемой теоретической модели. Из этого определения следует, что упомянутые методы должны быть адекватны свойствам наших конструкторов. В случае приписывания респондентам чисел (т.е. получения онтологических фактов первого уровня) это означает, что методы приписывания должны обеспечить возможность использования этих чисел в соответствии с требованиями математики. Для социолога практически всегда это превращается в проблему, поскольку отнюдь не за каждым известным из математики числовым соотношением "стоит" соответствующая эмпирия. А если какое-то соотношение не отвечает свойствам эмпирических объектов, то его практическое использование становится проблематичным. Мы не будем подробно говорить об этом, сославшись на многочисленные публикации по теории измерений, основой которой является рассмотрение чисел как носителей только тех свойств, которые отвечают отражаемым при измерении свойствам эмпирических объектов (литературу см., например, в работе, посвященной измерению в социологии [5]). Напомним, что мы говорим, в частности, о шкалах низких типов - номинальной, порядковой и т.д.

В случае отображения эмпирических закономерностей в свойства используемого конструктора (получения онтологических фактов второго уровня) мы используем методы, подобные расчету упомянутого выше коэффициента корреляции. О проблемах шла речь выше.

Отметим здесь момент, представляющий принципиальным для количественного подхода и позволяющим обосновать определенное родство между количественным и качественным подходами: используемые в социологическом исследовании модели исходных объектов обычно формулируются в терминах так называемого признакового пространства. Объекты описываются значениями некоторых признаков (переменной). Изучаемые закономерности формулируются в терминах определенных связей между этими значениями. И это обстоятельство не случайно.

Научное изучение каких бы то ни было объектов всегда связано с уходом от индивидуальности каждого из них, с потерей уникальности. Наука сопряжена с выделением общего в разных объектах. И потеря уникальности происходит в силу того, что мы обедняем реальность, берем с нее некоторый срез - именно тот, который позволяет сравнивать разные объекты. И выделение этого среза обычно и происходит при рождении представлений о признаке. Точнее, следовало бы говорить о рождении понятий и их операционализации. Наблюдаемые признаки - это результат последней. Фактически они являются эмпирическими индикаторами понятий. Мы не будем рассматривать многочисленные встающие здесь проблемы. Адекватный переход к системе признаков, описывающей наблюдаемые объекты, невозможен без обращения к качественной стратегии исследования. Об этом пойдет речь далее.

Исследование подхода в качественном исследовании. Нетрудно согласиться с тем, что содержательные выводы, подобные сформулированным выше, не отличаются особой глубиной. Добросовестный исследователь вряд ли ими удовлетворится. Приведенных онтологических и гносеологических фактов будет явно недостаточно социологу, желающему глубоко проанализировать суть изучаемых процессов, выйти на их объяснение, на выявление причинно-следственных отношений. Достижение указанных целей обуславливается тем, насколько хорошо выбранная исследователем теоретическая точка зрения отражает реальность. И вот здесь оказывается, что по-настоящему хорошая теория может быть сформирована только на основе качественной стратегии, то есть такого подхода к изучению общества, когда во главу угла ставятся представления о понимании социальных процессов, восходящие к Дильтею (понимающая психология) и Веберу (понимающая социология). В этом случае исследователь пытается поставить себя на место изучаемых людей, понять те субъективные смыслы, которыми люди наделяют свои действия, вступая в отношения с другими социальными субъектами.

Достаточно серьезные размышления, вероятно, наведут исследователя на мысль о том, что степень устойчивости брака (в нашем условном примере) зависит в данном случае отнюдь не только от его продолжительности. Наверное, не последнюю роль играют здесь психологические (и социальные) типы личностей респондентов, системы их ценностных ориентаций, соотношения этих характеристик у супругов, конкретные условия жизни, в которых они находились в польской деревне и в которые попали в результате эмиграции,

"взаимодействие" этих условий с личностными характеристиками изучаемых людей и т.д. Анализ всех этих параметров, несомненно, позволит получить более глубокие выводы о причинах сравнительно частого распада молодых семей и т.д.

А как можно точно сформулировать соответствующие гипотезы, как их проверить? Только с помощью качественного подхода, подобного тому, который был блестяще реализован Томасом и Знанецким. Проанализировав письма польских крестьян, организовав серию неформализованных интервью, изучив массу документов в польских архивах и структурах эмигрантской службы США и т.д., названные представители чикагской школы выделили три разновидности социальных характеров (Philistine, Bogemian, Creative), проанализировали механизм приспособления человека к новой окружающей среде с учетом специфики характера, изучили эволюцию взаимодействия общества, группы и индивида и т.д., и т.д. (см., например: [6]).

Проанализировав подходы, используемые авторами качественных исследований, можно заметить, что научный характер эти разработки приобретают именно в силу того, что мы назвали измерением в широком смысле и что вполне аналогично соответствующему процессу в количественном исследовании: благодаря отображению каждого респондента в некую лингвистическую полужормализованную структуру и получению теоретических выводов на базе определенной агрегации подобных структур, полученных от разных респондентов - представителей одной субкультуры. Целесообразность такой трактовки качественного исследования, на наш взгляд, подтверждает история развития методов сбора качественной информации и анализа качественных данных. Об этом по существу говорит сама совокупность родившихся здесь терминов (за каждым - своего рода "формализация" содержательных представлений).

Попытаемся проанализировать процесс качественного исследования (в современном его понимании) как процесс измерения в широком смысле. Для определенности предположим, что мы провели нарративные интервью с несколькими респондентами (на определенную тему) и с помощью соответствующих методов анализа изучаем полученные тексты. Снова попытаемся пояснить, каковы здесь онтологические и гносеологические факты, конструкты, методы. (О смысле используемых терминов из области анализа качественных данных подробнее см.: [1].)

Интервьюирование респондентов происходит по определенной схеме. В результате получаем первичные тексты - транскрипты. Каждый из них - *онтологический факт первого уровня*. На наш взгляд, субъективный характер дальнейшего процесса позволяет говорить о том, что все остальные наблюдаемые нами факты будут носить гносеологический характер (онтологических фактов второго уровня не будет).

Логика анализа текстовой информации предусматривает несколько шагов. Во-первых, осуществляется первичное описание (организация) текста: отбор единиц будущего анализа, плотное описание текста (наряду с фиксацией события или отношения выделяются контекст, способ реализации жизненного процесса, субъективная значимость происходящего для его участников); формулировка кодов, их уточнение, конкретизация, соотнесение с отдельными отрывками текста; открытое осевое выборочное кодирование.

Во-вторых, происходит восхождение к концептуальному видению, мини-теории (grounded theory). По существу, речь идет о переходе от позиции "соучастника", вовлеченного в мир респондента, к критическому суждению с позиции социального знания при постоянном возвращении к первичному тексту для проверки правильности интерпретаций; о "переструктурировании поля эмпирии в поле научного анализа" [1, с. 196].

Результат первичной организации исходного текста - это *гносеологический факт*. Субъективность (гносеологичность) этого факта объясняется тем, что все виды кодирования осуществляются исследователем на основе неких имеющихся у него общих исследовательских установок. Но это же обстоятельство придает рассматриваемому факту научный характер, поскольку связано с выявлением в уникальном, неповторимом исходном тексте фрагментов, роднящих конкретного респондента с другими, давшими другие транскрипты.

Именно такие фрагменты мы используем, выделяя в соответствии с "плотным описанием" характеристики фиксируемого события. Правда, разные исследователи предлагают выделять разные характеристики, но нам важно отметить, что их перечень бывает обычно довольно четким, одним и тем же для совокупности респондентов. Это лишний раз дает основание полагать, что в качественной социологии происходит движение к формированию того, что в количественном подходе называется признаком. Об этом говорят и сами "качественники".

Гносеологические факты формулируются в терминах используемых конструктов. *Конструкт первого уровня* - это и есть точное, краткое описание ситуации в терминах ее участников, формулировка факта с описанием отвечающего ему социального контекста, "расчерченное поле эмпирии" [1, с. 196]. Хотя этот конструкт нельзя назвать элементом какой-то формальной системы, тем не менее, он достаточно формализован. Это проявляется, например, в четкости характеристик рассматриваемого события.

Восхождение к мини-теории означает, что в качественном исследовании мы имеем дело с тем, что имело место и в количественном: научность исследования появляется тогда, когда социолог прибегает к сопоставлению разных свидетельств. "Одинокое высказывание или субъективное мнение индивида само по себе еще не может служить достаточной основой для анализа и построения гипотез; оно должно быть поддержано другими источниками информации об объекте" [1, с. 193].

В процессе разработки мини-теории исследователь получает гносеологические факты и конструкты следующих уровней. Здесь тоже очень много субъективности. Но имеются определенные способы ее уменьшения, повышения надежности интерпретации первичных текстов. К числу таких способов может быть отнесен, скажем, метод триангуляции. Здесь - снова приближение к "рождению" признака и, стало быть, к обоснованию "родства" рассматриваемых подходов.

Методы - это способы получения исходного текста (транскрипта), то есть способы получения онтологических фактов (они здесь - только первого уровня), а также указанные выше приемы первичной организации текста (для получения гносеологических фактов первого уровня) и перехода к мини-теории (в результате чего получаются гносеологические факты второго уровня).

Между количественной и качественной стратегиями. К настоящему времени разработано довольно много подходов к анализу текстов. Затронутый нами выше так называемый качественный анализ - лишь частный случай. Строгой границы между разными подходами не существует. Тем не менее, отметим, что каждому подходу отвечает своя структуризация анализируемого документа. Эту структуризацию можно считать измерением, отображением документа (точнее, соответствующего документу респондента) в некоторую нечисловую конструкцию. При хорошо знакомом широкому кругу социологов контент-анализе в качестве такой конструкции выступает частотная таблица, отражающая частоту встречаемости в тексте определенных смысловых единиц [7]. При структурном анализе текста вместо частотных таблиц - структуры как цепи событий в истории плюс выделенный исследователем принцип, объединяющий эти события в единое целое [8].

Лежащие в основе "качественно-количественного" деления исследовательских стратегий принципы социологического реализма (количественный подход - социальная система определяет действия индивида; структурализм, структурный функционализм и т.д.) и социологического номинализма (качественный подход - действия отдельных индивидов определяют социальную систему; феноменологическая линия в социологии), на наш взгляд, являются лишь идеальными типами в веберовском смысле. Эти понятия полезны для систематизации подходов теоретической социологии, но ни один ученый не является ни реалистом, ни номиналистом в чистом виде, в каждом сосуществуют и то, и другое качество. Об этом свидетельствуют, например, страницы работы П. Бергера [9], на которых доказывается, что взгляды Вебера и Дюркгейма отнюдь не противоречат друг другу (напомним, что Вебера обычно причисляют к номиналистам, а Дюркгейма - к реалистам).

В *заключение* отметим следующее.

Первое. Наш тезис о целесообразности рассмотрения всего социологического исследования как процесса измерения нельзя рассматривать как некую догму. Социальная жизнь - слишком сложный предмет для того, чтобы здесь были возможны какие бы то ни было однозначные, всегда адекватные, рекомендации. Мы утверждаем лишь то, что практически любое исследование имеет смысл проанализировать с предлагаемой точки зрения. В этой статье была предпринята попытка показать, что, выбирая инструмент измерения (а не метод анализа полученных непосредственно от респондента данных и т.д.), исследователь тем самым в значительной мере предопределяет конечный результат, т.е. сам конструирует реальность, которую считает объективно существующей. Если под инструментом измерения понимать только метод получения информации непосредственно от респондента, то наша мысль не нова. В социологическом фольклоре бытуют выражения типа "Как спросишь, такой ответ и получишь". Но если измерение понимать в предлагаемом нами широ-

ком смысле, то, используя эти подходы, можно избежать многих распространенных в практике ошибок.

Второе. "Рождение" признака в большей мере связано с качественным исследованием. И в этом смысле "качественный" этап должен присутствовать в любом количественном подходе. Но анализ совокупности значений какого-то набора признаков - это чаще всего количественный анализ. Такой анализ должен быть частью любого качественного исследования.

Третье. Нелепость разделения всех социологов на "качественников" и "количественников" должна стать темой обсуждения. За упомянутым противопоставлением двух стратегий стоит нечто большее. По-видимому, наука идет по пути, где пересекаются качественное с количественным, где рождаются новые понятия и приемы исследования, не укладывающиеся ни в "качественное", ни в "количественное" ложе. Специалист, не понимающий этого, искренне делящий всех исследователей на "количественников" и "качественников", ставит себя вне рамок современной науки (при этом "современное" необходимо ассоциировать как с тем, что происходило в социологии примерно в течение последнего столетия, так и с тем, что происходило в это же время в наиболее развитых специально-научных дисциплинах).

Мы отнюдь не претендуем на полное решение поставленных проблем и не считаем, что после этого выступления так называемая QQ-(Quality and Quantity) дискуссия прекратится. Мы рассмотрели лишь узкую часть связанных с ней вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенова В.В. Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
2. Никаноров С.П., Масленников Е.В. Социологические исследования и концептуальный анализ // Социология. 4М. 1996. № 7. С. 56-65.
3. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М: МГУ, 1994.
4. Толстова Ю.Н. Логика математического анализа социологических данных. М.: Наука, 1991.
5. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М.: Инфра-М, 1998.
6. Барзгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург: Деловая книга, 1996.
7. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990.
8. Исунова О.Г. Различные подходы к анализу текстов и возможности их применения в социологических исследованиях. Программа спецкурса // Методология и методы социологических исследований. Программы курсов для магистров. М.: ИСО РЦГО, 1996. С. 89-100.
9. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Учебника по качественным методам

- Berg B.L. Qualitative research methods for the social sciences. Boston, 1995.
- Coulon A. L'ethnomethodologie. Paris: Presses Universitaires de France, 1987.
- Creswell J.W. Research design: qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks, Calif., 1994.
- Dey I. Qualitative data analysis. L.: Routledge, 1993.
- Miles M.D., Huberman A.M. Qualitative data analysis. An expanded Sourcebook. Thousand oaks. London, New Delhi: SAGE Publications, 1994.
- Sacks H. Lectures on conversation. Oxford, Cambridge Blackwell. 1992.
- Schwartz H., Jacobs J. Qualitative sociology. Free Press, 1979.
- Strauss A.L. Qualitative analysis for social scientists. Cambridge, 1987.
- Strauss A., Corbin J. Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques. Newbury Park, 1990.
- Text analysis for social sciences: methods for drawing statistical inferences from texts and transcripts / Ed. by Roberts C.W. N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.

Литература по математическим методам в качественной социологии

- Computer-aided qualitative data analysis: theory, methods and practice / Ed. by Kelle U., Prein G., Bird K. L.: Sage, 1995.
- Pfaffenberger B. Microcomputer applications in qualitative research//Qualitative research methods. 1998. V. 14.

Richards L., Richards T. The transformation of qualitative method: computational paradigms and research processes / Using computers in qualitative research. L.: Sage, 1991.

Tesch R. Qualitative research. Analysis types & software tools. N.Y.: The Falmer Press, 1995 (1990).

Using computers in Qualitative research / Ed. by Fielding N.G., Lee R.M. L.: Sage, 1991.

Weaver A., Atkinson P. Microcomputing and qualitative data analysis. Avebury, 1994.

Weitzman E.A., Miles M.B. Computer programs for qualitative data analysis. L.: Sage, 1995.